

Десятая глава

В этом году праздник Весны пришелся на конец января по григорианскому календарю. Согласно негласной традиции Небесного дома, все дети — и те, кто всё ещё жил здесь, и те, кто уже выпорхнул из гнезда и зажил самостоятельно — должны были вернуться домой, чтобы встретить праздник вместе.

Разумеется, находились и такие, кто изо всех сил старался вымарать из биографии само клеймо выходцев из детского дома. Что ж, таким людям лучше и вовсе не появляться.

Неблагодарных предателей братья и сестры давным-давно вычеркнули из памяти и сердец раз и навсегда. Лишь мягкосердечные папа Сюй и матушка Ай порой вспоминали этих неблагодарных волчат.

Шэн Юй и Линь Су еще пару дней назад наведались на гору Чжуси с инспекцией: дела шли даже лучше, чем они предполагали.

А благодаря Ай Маньмань, которая стремилась к совершенству, будучи без пяти минут знаменитым архитектором, и Сюй Ханю, абсолютно ничего не смыслящему в строительстве здоровяку, выполнявшему роль прораба, темпы работ возросли, а качество осталось на высоте.

— Брат! С деньгами и черти в пляс пойдут, ты им такую зарплату отваливаешь, что мне самому захотелось схватить кувалду и долбить фундамент! — возбужденно размахивая палочками для еды, заявил Сюй Хань.

— Я что, отправлял тебя учиться для того, чтобы ты кувалдой махал? — Шэн Юй перехватил кусок говядины прямо из-под палочек Сюй Ханя, положил его в тарелку Линь Су и с бесстрастным выражением лица посмотрел на младшего брата.

Сюй Хань втянул голову в плечи и послушно принялся за еду.

Ай Маньмань наблюдала за тем, как этого тупоголового увальня отчитывают и ставят на место, с такой радостью, что едва не рассмеялась в голос, закусив палочку. И лишь когда Су Су-гэ положил в ее пиалу мясной шарик, она смущенно утихла и продолжила есть.

Выражение лица этого стража ворот чернее тучи, просто чернее некуда.

Один ребенок заменял три сотни птиц, и Шэн Юй казалось, что в этом галдеже вокруг него вьется не меньше нескольких тысяч пернатых.

— Су Су-гэ, обними!

Директор Небесного дома Сюй Чуян, несмотря на свое книжное имя, на деле был невысоким, слегка располневшим и жизнерадостным мужиком простецкого вида.

Двадцать девятого числа двенадцатой луны Шэн Юй и Линь Су в сопровождении еще двоих отправились в Бэйхун встречать Праздник весны. Выехав спозаранку, они добрались до Небесного дома еще до десяти часов утра.

Первыми на звучный зов высыпала ватага малышей, перебирая ногами с невероятной быстротой.

— Су Су-гэ! Ты вернулся!

— Ха-ха-ха, братец Сань работает стражем ворот?

— Брат Юй! Брат Юй! Брат Юй!

Компания двинулась в дом через привычный глазу дворик. У самого входа их встретила матушка Ай. Ай Цин со свойственной ей равной заботой оделила вниманием всех четверых детей, убедилась, что все здоровы, целы и пребывают в хорошем настроении, после чего со спокойной душой отправилась стряпать.

Шэн Юй: А я ведь на самом деле не хочу...

Смущенный детскими насмешками, Сюй Хань скорчил с десятков дурацких рожиц, пытаясь их запугать. Однако, заметив, что мелюзга повисла на двух грозных стражах порядка, он благоразумно воздержался от дальнейших угроз и трусцой сбежал на кухню.

Оказавшись вытесненным из плотного кольца, Сюй Хань обиженно почесал затылок и пробормотал себе под нос: «Мелюзга неблагодарная, я к вам со всей душой, а меня даже обнять никто не захотел...»

— Брат Юй, наша футбольная команда заняла первое место!

Добросердечный, семейный, с отличным чувством юмора, порой не прочь подурачиться — настоящий любящий отец для каждого ребенка в детском доме.

Шэн Юй бросил взгляд на двух тихо сидевших младших брата и сестру и с видом довольного деспота удовлетворенно кивнул. Тут же получив под столом легкий щипок в бедро от Линь Су, который воспитывал его: «Не задирай Сюй Ханя. Хоть он и шумный малость, а заскучаешь — не увидишь».

— Ой, А-Юй и А-Су вернулись! Проходите, садитесь. Чего это вы в последнее время всё на горе

Чжуси пропадаете, там же жутко холодно.

— Матушка Ай! Папа Сюй! Мелюзга! Я вернулся! Брат Юй и Су Су-гэ тоже приехали!.. И Ай Маньмань здесь. — Громогласный Сюй Хань начал орать еще на пороге.

Ай Маньмань шла следом, чтобы помочь. Заметив это, Шэн Юй отвесил Сюй Ханю увесистый пинок под зад: «Столбом стоишь, изображаешь стража ворот? Марш на кухню, помогай».

Едва переступив порог большой гостиной, они столкнулись с Сюй Чуяном, который как раз выходил из своего кабинета, совмещенного с приемной. Держа в руках исписанный математический тест, он багровел от гнева и громогласно ревел:

— Сюй Данен! Что это за цирк с твоей контрольной? Совсем смелости набрался? Как посмел оценки мне исправлять?!

— Ха-ха-ха-ха!

Являясь еще одной главой семейства, Ай Цин тоже отличалась мягкостью и добротой, однако порой ей приходилось брать на себя роль строгой матери.

А потому Данен, этот проказник, ни за что на свете не рискнул бы обратиться к матушке Ай с просьбой расписаться на исправленной оценке — ему бы и десяти жизней не хватило.

В этот момент Сюй Чуян заметил не только Шэн Юя и Линь Су, но и самого Данена. Сделав резкий выпад, он попытался схватить парня за шиворот, но тот, словно ракета-петарда, взвился в воздух и принялся метаться по всей комнате. На какое-то время гостиная погрузилась в настоящий кавардак с криками и беготней.

Шэн Юй, прижимая к груди Сяо Бао, утащил Линь Су на диван в дальнем углу, великодушно оставив поле боя Сюй-шу.

Стоило им усесться, как крошечные, хрупкие ручки малыша обвилились вокруг шеи Шэн Юя, а макушка уткнулась ему в ключицу.

Шэн Юй опустил взгляд на прильнувшего к нему, приунывшего кроху, с нежной улыбкой выудил из складок одежды это красивое, милое, но пугающе бледное личико.

Взглянув на забавные домиком брови и опущенные уголки пухлых губ, он едва удержался от смеха.

— Ну-ка, Расскажи брату Юю, кто обидел нашего Сяо Бао? Брат Юй живо задаст им трепку, хочешь? — Шэн Юй пощипал Сяо Бао за пухлые щечки, пытаясь развеселить.

— Брат Юй, лекарство такое горькое... Сколько еще Сяо Бао должен его пить?

Сяо Бао рос на редкость рассудительным мальчиком. Когда матушка Ай давала ему микстуру, он никогда не плакал и не капризничал. Даже когда его личико от горечи морщилось в комок, едва допив лекарство, он все равно улыбался матушке Ай.

Он был всеобщим любимцем в доме.

Лишь рядом с Шэн Юем и Линь Су он позволял себе вести себя как обычный ребенок — капризничать и дуться. Но это не раздражало, а лишь заставляло Шэн Юя и Линь Су любить его еще сильнее.

Ай Цин то и дело шутила, что этот сорванец по имени Линь Синчэнь и с домашним прозвищем Шэн Сяо Бао привязывается исключительно к тем, кто его подобрал, и в его сердце никому не превзойти Шэн Юя и Линь Су.

Впрочем, Ай Цин лишь любила подразнить малыша на словах, прекрасно понимая, сколько душевных и физических сил молодые люди вложили в этого ребенка.

Когда они нашли Сяо Бао, он больше хрипел, чем дышал. Малыша едва успели довести до больницы и вытащить с того света, но врачи вынесли суровый вердикт: у мальчика врожденный порок сердца. Из-за слабого здоровья и нежного возраста требовался строжайший постельный режим и постоянный уход, а операцию можно было проводить только по достижении трех лет.

Все три года консервативного лечения по этапам, а затем и сложнейшая операция в конце прошлого года вместе с последующей реабилитацией — всё это время оба юноши мотались по больницам, не отходя от мальчика ни на шаг.

Медицинские расходы, составившие в общей сложности около миллиона, полностью взяли на себя Шэн Юй и Линь Су.

На самом деле, не только Сяо Бао — большинство детей, попадавших в Небесный дом, страдали теми или иными недугами. Раньше Сюй Чуян и Ай Цин тратили на их лечение все до копейки, влезали в долги, собирали пожертвования среди населения или обивали пороги госучреждений в поисках субсидий, но суммы всегда были ограничены.

Ситуация стала выправляться лишь тогда, когда братья Линь пришли в приют со своими средствами. Настоящий же перелом наступил после той сделки, которую заключил четырнадцатилетний Шэн Юй.

Именно поэтому дети в Небесном доме так слепо верили Шэн Юю и преклонялись перед ним. Брату Юю были обязаны не только благополучной жизнью: будучи совсем юным, он взвалил на свои плечи всю ношу приюта, подарив многим братьям и сестрам исцеление тела и духа.

В дальнейшем, когда старший брат Сюй Мо, старшая сестра Айла и остальные окончили учебу и устроились на работу, Небесный дом окончательно перестал о чем-либо тревожиться. Они не только сами вышли на уровень зажиточности, но и получили возможность помогать другим детским домам в отдаленных регионах.

Поэтому подавляющее большинство воспитанников приюта выросли невероятно рассудительными и благодарными.

Услышав детские жалобы, Шэн Юй ласково погладил мягкие волосы малыша и с улыбкой поддразнил его:

— А кто мне недавно говорил, что он уже маленький мужчина, который не боится ни трудностей, ни боли?

Малышу едва исполнилось три с половиной года, а он уже надул губы:

— Сяо Бао — мужчина... но лекарство всё равно горькое!

Пробормотав это, он лукаво блеснул глазами и протянул руки к Су Су-гэ:

— Обними.

Линь Су бережно подхватил его на руки, чмокнув в пухлую щечку. Почувствовав, что тельце малыша в последнее время и правда поднабрало в весе, он радостно улыбнулся:

— Перед тем как приехать, мы с братом спрашивали дядю-доктора. Сяо Бао так прекрасно восстанавливается, ты просто молодец!

Получив похвалу, малыш одновременно загордился и застеснялся. Совсем забыв про то, что лекарство только что было горьким, он обнажил чуть заметные ямочки на щеках, словно выпрашивая у Су Су-гэ добавки похвалы:

— Сяо Бао не то чтобы прям такой молодец, хи-хи.

— А еще братья слышали, что на прошлой неделе в детском саду на утреннике ты читал стихи. Наш Сяо Бао так вырос! Братья помнят, что в прошлом семестре ты еще боялся выходить на сцену!

— Хи-хи-хи~

— И представь себе, воспитательница сказала мне, что на детсадовском конкурсе рисунков Сяо

Бао занял первое место. Как же ты у нас постарался!

— Хи-хи-хи~

В конце концов личико малыша покраснелось до состояния спелого персика. Спрятав лицо на груди у Линь Су, словно маленький страус, он тем не менее излучал такое глубокое чувство счастья и удовлетворения.

Прижав сокровище к себе, Линь Су бросил взгляд на Шэн Юя и гордо вздернул подбородок:

— Видишь, какой я молодец!

Шэн Юй поднял вверх большой палец, с бесконечной нежностью глядя на эту парочку — большого и маленького.

Впрочем, слова Сяо Бао подсказали ему кое-что важное: текущие запасы медикаментов и медицинского оборудования в приюте были крайне скудными. Особенно сложно обстояло дело с лекарствами, которые нельзя было закупать большими партиями, а для аппаратуры требовались специальные лицензии.

Придется что-то с этим придумать...

Вечером все собрались за общим столом поужинать, легли спать, а на следующий день наступило долгожданное тридцатое число двенадцатой луны — канун Праздника весны, которого так ждала вся страна.

Старшие братья и сестры, разъехавшиеся после начала работы, постепенно возвращались в Небесный дом. Каждый притащил с собой горы сумок и пакетов — казалось, они задались целью скупить весь универмаг целиком.

В доме царила радостная и праздничная атмосфера, лица каждого озаряли улыбки счастья. Те, кто за пределами приюта отличался замкнутостью, дома оттаивали; те, кто казался холодным и неприступным, здесь теплели душой; даже те, кто привык носить маски в чужом мире, дома оставляли лишь искреннюю заботу.

В новогоднюю ночь весь Небесный дом в полном составе взялся за подготовку праздничного стола. Главным шеф-поваром, разумеется, назначили Линь Су. Кто-то готовил основные блюда, кто-то лепил пельмени, кто-то колдовал над десертами, а младшие всю кромсали фрукты.

Вдоволь наотмечавшись за новогодним ужином, семья уселась перед телевизором смотреть традиционный «Голубой огонек», болтая о том о сём и обсуждая домашние новости.

Любители поспать отправлялись в постель, когда валились с ног, полуночники же засиживались допоздна. Сменяя друг друга словно звенья одной цепи, эти группы обеспечивали непрерывную череду смеха и веселья в Небесном доме на все двадцать четыре часа в сутки.

Лишь временами на лице Ай Цин проскальзывала тень грусти и тоски. Шэн Юй знал: матушка Ай вспоминает тех, кто так и не смог вернуться.

Шэн Юй не стал расспросы устраивать или утешать. О многом папа Сюй и матушка Ай просто не знали: те люди не то чтобы не хотели возвращаться — они попросту не могли.

Ну а почему именно не могли — разумеется, из страха перед последствиями за содеянное. В конце концов, если бы кто-то осмелился проигнорировать предупреждения Шэн Юя и сунуться к Небесному дому, последствия пришлось бы расхлебывать самостоятельно.

<http://bllate.org/book/22062/2294037>